

Нефёдов Евгений
Евгений НЕФЁДОВ: Завтра - 2006-18-91
сентя - с 7.10.09.09.06

«ПОЭТ - ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ЖИЗНИ...»

Накануне 60-летнего юбилея с поэтом беседует Владимир БОНДАРЕНКО

Владимир БОНДАРЕНКО. Вот и тебе, Женя, спустя полгода после меня стукнуло 60. Стали мы с тобой настоящие шестидесятники. А тут еще и наши сверстники Николай Бурляев, Владимир Гостюхин, Анатолий Королев, Евгений Попов, Виктор Топоров, Николай Шипилов, до срока ушедшие Леонид Филатов и Леонид Губанов... Годик "урожайный" выдался, воистину — дети Победы. Вернулись отцы с фронта и на радостях подарили нам жизнь. В прожитой тобой части жизни — что было главным?

Евгений НЕФЁДОВ. Ты сразу — о главном! Я отвечаю. Главное в моей жизни, Володя, — это прежде всего сама жизнь, которая оказалась совсем не такой, какой она представлялась когда-то в молодости. Именно по нашему поколению, когда оно вошло в жизненную и творческую зрелость, прошел трагичный разлом "перестройки", именно наши ряды рассёк хотя и тупой, но от того еще безумнее крошащийся всё живое, меч "реформ" — и сколь многих мы ныне не досчитались в своей генерации!.. Нас с тобой, думаю, спасла газета "День", позже "Завтра". Она боролась, сопротивлялась, жила — а с ней вместе жили и мы сами. Творили, писали стихи, статьи, не давали тем, кто читал нас, отчаиваться и сдаваться. Вот это и стало, может быть, главным в моей жизни: разгоняющий тучи "День" — не просто газета, а некий символ, пароль, который известен нам и нашим единомышленникам, и который был и пребудет всегда с нами. Мы сумели сообща обрести новое осмысление нашей эпохи. Страшно сказать, но все эти невзгоды страны и народа, не нами придуманные, они даже мне и тебе — и беды, и в то же время пища для размышлений, оценок, почва для творчества. Нам не надо даже придумывать сюжеты, как каким-нибудь сытым, "благополучным" коллегам других широт: жизнь что ни день подбрасывает нам сюжеты один покруче другого. В этом осмыслении нового опыта, в осмыслении пути сопротивления разрушению и был наш момент истины. О чём бы я ни писал — не только в своей публицистике или сатире, но и в самых лирических и романтических стихах, во мне было всегда сопротивление разрушению человека, его чаяний и устремлений, разрушению моего народа, моей Родины. Таким я и остаюсь — как поэт, как публицист, как гражданин.

Если же говорить о более личном, то что здесь для каждого из нас главное? Семья, родители, любимая, дети, а теперь вот уже и внуки. То есть и здесь: главное в жизни — сама эта жизнь, её вечное продолжение — уже тебя самого в твоих потомках. Это, если угодно, и есть бессмертие — что же может быть главнее этого?

В.Б. В детстве ты кем мечтал быть? Кем хотел быть в юности?

Е.Н. Сначала была чисто детская мечта, об этом у меня есть стихи: хотелось быть моряком. Все пацаны ведь после войны рвались или в моряки, или в летчики, космонавтов тогда еще не было. Правда, я в сухопутном краю родился, на севере Донбасса, в городке Красный Лиман, это южнее Харькова, еще не промышленный Донбасс, а большая железнодорожная станция. Но там всё же есть и Северский Донец в нескольких километрах, и озеро Лиман на окраине. Их тихие берега, сам воздух, простор и навевали, наверное, мечты о море, о дальних странах...

Повзрослев, я уже в школьном сочинении писал, что мечтаю о трех профессиях сразу. Первая — журналистика и литература: помнится, что-то пробовал сочинять и даже печатал еще в начальной школе. Второе — хотел быть преподавателем русской литературы в старших классах, представлял, как буду рассказывать школьникам о Пушкине и Гоголе ("Мёртвые души" — моя любимая книга, по сей день читаю её постоянно), как стану знакомить школьников и с теми писателями, которых не проходят по программе. Я ведь не вылезал из библиотек и особенно из книжного магазина, знакомился со всеми новинками. Покупать особо не мог, батка один работал, мама нас троих поднимала, да ещё дедушка с нами жил. Родителей занесло на Донбасс, как говорится, ветром эпохи: отец корнями из Тверской области, мама из Нижегородской. Предки мои — волжане, а я вот вырос на Украине, с детства говорил на двух языках, да и писать стихи начинал и на русском, и на украинском сразу. Третья мечта — быть продавцом того самого книжного магазина. Да-да. Тогда стало выходить столько новых книг, открывалось столько новых имен, это для меня было просто сокровища! А люди их не покупали, часто ещё не зная иных из авторов. И я порой сам становился за прилавок. Как раз начинал тогда работать в районной газете, дорога шла мимо книжного магазина, приходил, становился возле продавщиц, которые тоже не всегда были в курсе новинок, и убеждал покупателей: смотрите, перед вами Андрей Платонов, это же чудо, купите обязательно. Или о стихах: это же Борис Олейник, это же Василий Симоненко, взгляните — какая яркая молодая украинская поэзия!.. Между прочим, нередко покупали. Доверяли, что ли, как юному литератору, которого они уже чуть-чуть знали...

Вот о трех этих профессиях я и мечтал. Считаю, что в той или иной мере всеми ими сейчас и владею. Я — журналист, поэт, автор многих книг, часто выступал и выступаю перед слушателями, как бы учу их литературе, и в распродажах наших книг тоже нередко принимаю участие. Пропагандирую достойные издания и в "Завтра", и в "Дне литературы", и на встречах с читателями.

В.Б. В твоей жизни были учителя, кумиры, герои, которым ты поклонялся в ту или иную эпоху?

Е.Н. Ну разумеется. Конечно, не избежал увлечения модными когда-то двумя-тремя стихотворцами шестидесятых, но с годами это прошло. А все-рвёз я уже в ту пору очень любил Александра Твардовского, ставил его выше всех среди современников. Луговским зачитывался, Смеляковым, сразу принял "за своего" Егора Исаева. А ещё меня тогда с первого же прочтения и на многие годы взял за живое Владимир Соколов. У меня дрожала душа, когда впервые его читал — это были строки про "утренник для четвёртых классов", про милую одноклассницу, сидевшую рядом на представлении "Снежной королевы"... Это было обо мне, о моих первых детских чувствах, точнее — пока ещё предчувствиях, это посвящалось моей соседке по школьной парте! С таким же упоением читал и читаю его стихи по сей день.

Ещё один, тоже дорогой для меня поэт — это уже упомянутый мной Борис Олейник. Потом мы с ним познакомились, когда меня как молодого автора стали приглашать на семинары в Киев, а он в числе других вёл эти семинары. Мы обнаружили некую общность и по отношению к поэзии, и по восприятию жизни. Мне его стихи всегда казались такими, которые мог бы я написать, окажись я украинским поэтом. Естественным образом я стал переводчиком стихов Бориса Олейника на русский язык. Помню, в первый раз чуть ли не машинально записал свое восприятие на русском украинских строчек Олейника — получилась перевод. Потом уже осознанно старался переводить всё, наиболее интересное. А когда он мне из Киева уже в Москву передал поэму "Трубит Трубеж!", я её не только увлечённо прочёл, но и буквально за три-четыре ночи перевел. У нас дома не оказалось украинско-русского словаря, я сперва оробел: мол, не обойдусь без него, но потом успокоился, почувствовал, что он мне и не нужен. Я же вырос на Украине, шесть лет проработал в украинской газете, все слова были родными. Язык Бориса Олейника — это отражающая весь мир родниковая чистота, таинственно влекущая глубина звёздного неба. И непостижимое это дело — переводить великого поэта. Да вообще — любого талантливого творца. Надо сохранить его стиль, его ритм, его музыку, образную систему, исконный смысл произведения. Я рад, что и критика, и читатели, и сам Борис Ильич дают неплохую оценку моим переводам. В Москве вышла переведённая мной книга Олейника "Тайная вечеря", здесь же украинский поэт был за неё удостоен Международной премии имени М.А.Шолохова, а моя работа была отмечена в Киеве премией Украинского Фонда культуры.

Не буду кривить душой, немало лет я весьма высоко ценил как поэта Евгения Евтушенко, но со временем отношение к его творчеству и к нему самому претерпело изменение "до наоборот": интересуюсь его стихами разве что как пародист... Причин тому много. Увы, раскол в нашей культуре, литературе не пошел на пользу никому, и я лишь сожалею, что до сих пор этот раскол не преодолевается, а даже становится ещё глубже — благодаря "мудрым" деяниям нынешней власти. Понимаешь, о чём я веду речь?

В.Б. Ещё бы! Все писательские делегации на государственном уровне, все государственные поощрения и государственные премии пока что — этому прямое подтверждение. Кроме либеральной ветви литературы государственными чиновниками ничего не замечается. Как эту радикально-либеральную политику в области культуры соединить с якими патриотизмом президента Путина, я не понимаю.

Е.Н. Да что тут неясного... Но я закончу ответ на твой предыдущий вопрос насчёт образов для подражания. Если вернуться к учителям в моей жизни, уже не литературной, то, конечно же, прежде всего назову пример отца. Я видел с детства, как он правильно, праведно живёт. Сейчас бы сказали — по Божиим заповедям, хотя и отец, и мама мои были коммунистами. Настоящими, не для карьеры, а с верой в справедливость и идеалы добра. Отец защищал Родину, был ранен, после войны трудился не покладая рук, зарабатывал нам всем на жизнь, никогда не жаловался на трудности жизни и нездоровье. Он работал юрисконсультом в отделении железной дороги, дело своё знал блестяще, хотя специального образования и не имел. Это был человек народной, земной мудрости. До войны он, кстати, успел поработать в газете. Я в молодости читал его стихи военных лет, видел его письма с передовой к маме, эти фронтовые треугольнички... Он умел всё делать. Любил читать, приучал к этому нас, неплохо рисовал, мог с душой спеть русскую песню. Вырастил сад на пустыре возле дома, сам провёл там водопровод, построил красивую беседку и маленький садовый домик. Мебель в доме была сделана его руками. Он был горазд чинить обувь, шить, даже готовить, всегда помогал

маме растить детей. И я знал, что должен буду так же крепко построить свою семейную жизнь, как мой отец. К несчастью, его рано не стало, он не дожил года до шестидесятилетия, отныне я уже старше его... Но пример его постоянно передо мной: семья для меня — дело святое. С женой Людмилой, которую ты отлично знаешь, мы выросли в одном городе, там же родилась и дочь Татьяна. В этом сентябре нашей семье тридцать пять лет — ещё один юбилей... Все мы — единомышленники, а с женой еще и коллеги, она прекрасный журналист, абсолютно близкий и родной человек, мы во всех отношениях единое целое. Я счастлив в семье, и разве это тоже — не главное в жизни? А достичь этого — и просто, и сложно. Ведь наш брат поэт, как любой художник, любой творец, зачастую жаждет "свободы", дабы своим искусством осчастливить сразу всё человечество, а хорошо бы сначала сделать счастливыми хоть несколько человек, живущих рядом с тобой. Но это много труднее. И всё же — сбереги ближнего своего, сумей Любовь сохранить на фоне всей прозы жизни. Без неурядиц, проблем, моментов непонимания — семьи не бывает, но с ними надо уметь справляться, переступая через эгоизм, нетерпимость, привыкание друг к другу. В семье надо быть поэтом: уметь видеть новое в обыденном, многие годы каждый день находить в близком человеке новую черточку, пусть это будет даже морщинка, пусть будет даже сединка, жест, взгляд, слово — всё это освежает чувство, ты делаешь открытие — и потому ежедневно рядом с тобой в чем-то новый человек. Нет, право же, любовь и поэзия — близнецы-сёстры...

И, наконец, назову еще одного человека, в совместной работе, в дружбе с которым, начиная с девятистого года, я продолжал формироваться и творчески, и духовно, и даже общественно-политически: это, как ты знаешь, Александр Проханов. До встречи с ним я пятнадцать лет проработал в "Комсомолке", почти пять из них собором в Чехословакии, которая тогда уже приобретала свои "бархатные", либеральные очертания. Я пытался объяснить редакции всю сложность той обстановки, всю преднамеренность первой из "оранжевых революций", её подготовку в западных центрах. В результате меня раньше времени отозвали из Чехии: к руководству газетой шли люди, коим уже, очевидно, не требовался государственный патриот, коммунист. А я им еще, не врубившись, предложил сгоряча свою антигробачевскую поэму в тёркинском духе: я ведь в той "Комсомольской правде", которую любил и люблю по-прежнему, напечатал едва ли не столько же стихотворений и поэтических репортажей, сколько когда-то сам Маяковский — да прости меня любимый классик за столь дерзкую параллель... Но тут мне указали на "непонимание великой роли перестройки", в результате чего я остался практически без работы. Тяжко было, даже продавали что-то из домашней утвари у старого Тишинского рынка, чтобы выжить семье. Дочка как раз поступила в Институт иностранных языков, с нами жили мама и бабушка Люды, а её саму тоже после Праги не восстановили в Книжной палате, хотя и должны были это сделать по закону. Но советские законы уже обходились, я был вне "Комсомолки", заступиться некому, словом — хмарь была на душе... И вдруг — в 1990 году звонок Александра Андреевича Проханова, приглашение работать в газете "День". Я его имя знал по "Литературной газете", по первым книгам. Помнишь, мы вскоре и собрались у него в журнале "Советская литература", где и написали с тобой заявления о приёме на работу в "День"? Когда он еще по телефону назвал тебя, я тем более согласился: мы же вместе были на седьмом всесоюзном совещании молодых писателей, даже жили в одной гостиничной комнате. Ты — с русского Севера, я — с украинского Юга. Тогда же и были отмечены по итогам совещания "юные дарования": в критике Бондаренко, в прозе Петя Краснов, среди поэтов называли меня. И вот спустя столько лет Проханов зовет нас с тобой к себе в газету. Перст судьбы!

С той поры так и вынесло на русское бездорожье эту "птицу-тройку": Бондаренко — правый, Нефёдов — левый, Проханов — во главе. Так и делали поначалу газету "День", потом появились еще единомышленники: Аницин, Султанов, Шурыгин, молодые наши ребята. И вот уже шестнадцать лет работаем вместе, защищая интересы и честь Отечества.

В.Б. Да, прошли мы и испытали многое... Но скажи: каких политиков, каких правителей в истории России ты больше всего ценишь, какую её эпоху предпочитаешь?

Е.Н. Я чуял каргоев всех великих русских полководцев, как глубочайшего мыслителя — Ленина, как выдающегося государственника — Сталина. Подобный ему правитель нам сегодня и нужен, чтобы решить все проблемы России. И эпоху люблю прежде всего нашу, советскую. Ту, что я "трогал руками", в которой родился, вырос, много лет жил. Да и себя считаю советским человеком и останусь таким, полагаю, до конца дней, как большинство нашего поколения. Все остальные эпохи знаю лишь по учебникам истории, но они так часто переписываются, что не всегда понимаешь, где правда. Одни трактовали так, другие по-иному. А доверчивые русские люди — даже писатели — следовали официальным версиям. Рискованное это дело! Возьму своего любимейшего Дмитрия Кедрина: "И тогда государь повелел ослепить этих зодчих..." — и думаю: дорогой мой учитель, земляк, брат по музам, да так ли и вправду было? Какой был смысл государю в такой жестокости? Был смысл — но не ему, а врагам и клеветникам России: вот, мол, она, русская дурь, русская злобность! Они ему, дескать, Храм Покрова построили, красивейший в мире, а он их взял ослепил — ну не варварская ли страна?! Что ж, я и сам бы, может, на такие "легенды" кулился — да спасибо нынешним "демократам": уж столько они насчитали "жертв сталинизма", что и населения в стране в таком количестве не было... Выходит, прибреживают иные "историки" — каждый в своих целях... Поэтому очень осторожно подхожу я к трактовкам русского бытия. Да, Петр Первый велик, "Россию поднял на дыбы", но так ли уж был любезен для всей России этот прозападный "перестройщик и реформатор"? Споры идут до сих пор...

В.Б. Для тебя стали трагедией и развал СССР, и раскол Украины и России. Будем ли мы с украинцами когда-нибудь вновь вместе?

Е.Н. Что говорить, раскол Украины и России не может не рвать мне душу. Там могилы моих родителей, там друзья, учителя, родственники, детство и юность, и вдруг это стало заграждением. И пишу я часто об этом: "Пограничные пределы, / да таможенная власть! / А Европа между делом / воедино собралась..." Это самая настоящая человеческая трагедия. Корни подружили и у меня, и у миллионов других наших соотечественников по обе стороны границы. Но я так стремлюсь их преодолеть! А кроме родной мне Украины я и Белоруссию обожаю, езжу туда каждый год, пишу книги о белорусах. В случае надобности я буду среди первых, кто готов скрепить опять наши связи, наши народы, наши земли, нашу историю. Уверен, народы будут только за это. Когда такое произойдет — не знаю, но всё равно, тяжело проворачивается колесо истории, и в какой-то момент неизбежны новые перемены, положительные для нас всех. Я в это твёрдо верю...

В.Б. Что тебе еще хочется успеть сделать в жизни, в поэзии? Хоть нам уже и по 60, но я, думаю, десяток-другой лет ещё есть для исполнения желаний, если даст Бог.

Е.Н. Рискованно заглядывать на годы вперёд, но необходимо. Уже потихоньку пишу, знаешь, мемуары не мемуары, а те же "Странички из блокнота", но дальше, шире, ведь уже есть что вспомнить. А самые ближайшие планы — как раз в юбилейные дни побывать на родине, в Красном Лимане. Меня приглашают именно 7 сентября, в день рождения, быть в родном городе, провести творческую встречу. На днях там присвоили мне звание почётного гражданина Красного Лимана. Очень этим горжусь — как и присуждением нынешним летом дорогой для меня российской литературной премии имени Александра Твардовского... Это снова напомнило "Тёркина", родителей, родные края. Я поддерживаю связь с литературным объединением Красного Лимана, помог нескольким своим землякам вступить в Союз писателей. Гимн города написан на мои слова. Вот и решили земляки отметить у себя мой праздник. Мы с женой не были в родном городе очень много лет. Хотим посмотреть на улицы детства и юности, встретить старых друзей, положить цветы на могилы родных и близких... В Москве юбилей отмечу чуть позже — большим творческим вечером-отчётом.

О чём мечтаешь ещё? Конечно, что-то написать, с пользой поработать. Вырастить внуков, увидеть их вступление в жизнь — трудовую, добрую, справедливую. Очень хочется дождаться вразумительной, нормальной жизни в нашей намунившейся России. В том, что мы здесь имеем сегодня, какие-то здоровые проблески вроде бы редко и видятся, но — минимальные, пока ещё не дающие оснований верить тем, что сейчас у руля... Но я ведь все-таки оптимист и потому не перестаю надеяться на лучшее, прилагаю и сам к этому свои силы и своё дело. Пора, пора выбираться из мрака к свету.

В.Б. Какой ты видишь будущую Россию?

Е.Н. Вижу Отчизну — трудом нашим, старанием всего народа, промыслом Высшим — лишенную злопыхателей, живущих на нашей земле и плюющих на неё. Начал начал — это извращение России от её разрушителей: пусть живут, где хотят, коль она им — всего лишь "эта страна". Ну как можно говорить не мама, не жена, а "эта женщина"? Когда не будет всей этой накипи, тогда создающая сила народа, общее дело вознесет его на достойную высоту. И страну поднимут, и людские души очистят. Но сидеть и ждать, когда всё произойдет, наивно и несерьёзно. Над этим — не нами сказано — надо трудиться. Наш с тобой труд — писать правду о народе и для народа. Задача поэта — ставить вопросы и помогать людям искать ответы. Поэт — вечный двигатель жизни.